

Памяти учителя и наставника

Сергей Мазур

Мое знакомство с Борисом Федоровичем Инфантьевым (1921–2009) состоялось зимой 1995 года. В тот год с моим приятелем С. Успенским мы подолгу по телефону поздними вечерами обсуждали понятия прикладной этики.

И вот однажды Сергей в свойственной ему безапелляционной манере предложил вместе посетить «нашего латвийского Лихачева». Борис Федорович запросто принял нас, двух незнакомых молодых людей, дома, в небольшой комнате. Говорили, конечно, о русской культуре. Точнее, мы слушали, а Борис Федорович рассказывал... То, что наш новый знакомый пригласил нас к себе после первого телефонного звонка, было для меня удивительно. Открытость его личности носила чуть ли не религиозный характер. Значительно позже Борис Федорович объяснил: эту психологическую установку сформировали его католические наставники во время Второй мировой войны. Его безотказность была частью философии его жизни.

Где-то с осени 1995 г. по 1999 г. наши встречи носили интенсивный характер. Регулярно, раз, а иногда и два раза в неделю, я приходил в гости. Мое педагогическое образование с большими пробелами, особенно в языковой подготовке. Поэтому я попросил Бориса Федоровича индивидуально прочитать мне несколько учебных курсов по древнегреческому, санскриту и другим восточным языкам. Мне особенно хотелось получить элементарные знания в древнегреческом языке для того, чтобы прочитать в оригинале Евангелия и послания апостола Павла. Но гимназический курс древнегреческого языка, по которому в школьные годы занимался сам Борис Федорович, оказался для меня еще и введением в историю античной культуры. В те годы я активно посещал

Национальную библиотеку и старался быть в курсе новых книжных поступлений. Все-таки гимназический курс оказался для меня своего рода откровением из-за чтения источников, а также из-за неожиданных комментариев самого Бориса Федоровича.

Манера его преподавания была очень удобной для освоения языка. Борис Федорович сам читал, переводил, комментировал, при этом не интересовался выполнением «домашних заданий». Он старался поскорее «расправиться» с не очень интересным для него занятием, чтобы обратиться к главному — к беседе о русской культуре в Латвии.

У меня чуть ли не с детства выработалась привычка вести подробные дневниковые записи. Поэтому в моем архиве сохранились тетради с телефонными разговорами Сергея Успенского, походные дневники, также записи бесед Бориса Федоровича о русских и русской культуре Латвии. Действительно, то были просто записи, а не систематический курс истории культуры.

После «основного» занятия Борис Федорович выбирал тему (причем никогда в беседах он не повторялся), и мне оставалось только успевать записывать за ним. Можно только сожалеть, что я не брал с собой диктофона, потому что многое из его рассказов принципиально важно для понимания ментальности русских в Латвии.

Передо мной блокнот с записями за 1998 год. Вот некоторые из тем: «Петербургский сборник Добычина», газеты «Сегодня» и «Завтра», «Отношение к немцам в Латвии в 1930-е гг.», «Русские в Латвии во время немецкой оккупации», «Высылки в Германию во время войны», «Русские писатели в Латвии», «Талсы и Сергеев-Ценский», «Сигулдские православные кладбища», «Соратники Петра I и

Латвия», «Декабристы и Латвия», «История улицы Грешная», книги Сергеева-Ценского — «Движение» и «Жестокость», «Пришвин и Латвия», «Творчество Тынянова», «Отношение к староверам латышских писателей», «Русские писатели о Латвии», «Экскурсионный маршрут для школьников «Латвийские города и русская культура», «Лажечников, Кузьмин, Анненский, Коринфский, Приставкин и др. русские писатели и Латвия», «Солженицын — Гинзбург — Шаламов», «Карамзин о Ливонской войне», «Алексей Толстой и его роман «Эмигранты», «Лесков, Самарин и Суворов», «Отношение к русскому и немецким языкам в Латвии», «Пушкин и Балтия», «Как собирали латгальский фольклор».

Беседы о Латвии не были просто беспорядочным пересказом научных изысканий латвийского профессора. Борис Федорович видел некоторый провиденциальный смысл в событиях прошлого. Недаром его богатая речь включала множество баек, анекдотов, поговорок, содержащих квинтэссенцию происходящего. Вот Брюсов, оказавшись в Сигулде, обнаружил, что остался без паспорта; вот Иван Коневской там же в Сигулде, беспечно купаясь в реке Аа (Гае), тонет и его хоронят на ближайшем кладбище как неизвестного... А как резюме Борис Федорович в конце беседы вспоминает поговорку: «Русский крепок на трех сваях: авось, небось и как-нибудь. Держался авоська за небоську, и оба упали».

Меня в 90-е гг. особенно интересовала мультикультурная ситуация в Латвии: так, как она была представлена в прошлом. Поэтому темы бесед — «Отношение к русскому и немецким языкам в довоенной Латвии» или «Русские в Латвии во время немецкой оккупации» — были инициированы мною. Нет возможности опубликовать хотя бы одну из бесед Бориса Федоровича целиком, все-таки какой-то фрагмент хотелось привести для того, чтобы можно было представить их ценность. Например, история рижского книжного магазина Хольцнера, в котором можно было купить любую нужную книгу на русском языке. Оказывается, немцы считались большими почитателями русской литературы. Преступная ликвидация евреев в ходе Второй мировой войны приводила к тому, что после гибели людей оставалась масса литературы. В главных антиквариатах Риги на ул. Тербатас груды вываливали все собранные книги, которые потом пылились в подвалах. Принимать книги на продажу пе-

рестали даже частные магазины. В Риге после репатриации немцев ранее уникальные библиотеки продавались, вызывая громадное воодушевление у местного населения.

С 1999–2000 гг. мои посещения Бориса Федоровича стали менее интенсивными. Наше сотрудничество приняло другие формы. С 1999 г. свою историю открыл гуманитарный семинар SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS. Так как я довольно много провел времени с Борисом Федоровичем, то представлял, с какими трудностями столкнулся в своей деятельности «наш латвийский Лихачев». Одна из проблем — это публикация его научного наследия. Его архив, хранящийся в старом шкафу, фактически лежал мертвым грузом. После смерти друга и соратника — Александра Лосева, с годами все более сложным становился вопрос подготовки рукописей к публикации. Компьютерную технику Борис Федорович осваивать не мог, а на печатной машинке в последние годы своей жизни работать приходилось под копирку, так как нужной ширины ленты для печатных машинок в магазинах давно не продавались. Свой вклад в решение задачи сохранения наследия Б. Инфантьева удалось внести в связи с изданием с 2004 г. Альманаха «Русский мир и Латвия». За пять лет подготовлено и издано почти полсотни его статей. Часть наследия хранится в моем архиве и будет публиковаться в ближайших номерах Альманаха.

Из рукописей, подготовленных Б. Инфантьевым, следует отметить книгу «Миф о русских в латышской литературе», фрагмент которой уже представлен читателям в одном из Альманахов «Русский мир и Латвия», а также учебник по церковнославянскому языку и книгу «История русских в Ливонии».

Другая проблема была связана с необходимостью того, чтобы голос ученого был услышан ценителями русской культуры. Борис Федорович не был организатором, но его отзывчивость позволяла приглашать его на гуманитарные Чтения SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS. До 2004 г. Борис Федорович активно участвовал в семинарах репликами и развернутыми выступлениями.

Летом 2008 г. мы с Борисом Федоровичем договорились об издании книги или специального выпуска Альманаха, посвященного его творчеству. Мы обсудили содержание предстоящего сборника статей.

Смерть оборвала творческие планы.